

ЧЕМУ АЛЬТЕРНАТИВНА «АЛЬТЕРНАТИВНАЯ» СОЦИОЛОГИЯ?

Что-то должно было появиться. Проект введения единомыслия в советской социологии был заведомо обречен на неудачу. Конечно, в официальной публичности «марксистско-ленинская социология» господствовала безраздельно. Все прочее было допущено только в форме «критики буржуазных учений» теми редкими обществоведами, которым было дозволено читать западную литературу в «спецхране». Из приводимых критиками цитат мы могли только смутно догадываться об идеях, которые дискутировались на мировой социологической сцене.

«Реальная» же жизнь абсолютного большинства социологов-эмпириков была далека от теоретических размышлений. Формально истматовские догмы безусловно должны были присутствовать в текстах, которые проходили обязательную цензуру. Но, честно говоря, редкий исследователь морочил себе голову связью результатов собственных опросов с социальной теорией, в которой он, кстати, особенно и не разбирался. За ритуальными ортодоксально марксистскими формулировками скрывалась теоретическая эклектика.

Когда режим пал и социологи получили возможность «накопец-то» себя проявить в новых интересных исследованиях, то выяснилось, что проявлять-то, собственно говоря, нечего. Методологической базой для исследований стал явочным порядком структурный функционализм, хотя он был методологией эмпирических исследований и в советское время. Ничего принципиально не изменилось в самих эмпирических исследованиях. Однако их качество резко снизилось по сравнению с недавним прошлым: методические документы составлялись небрежно, требования выборки часто не соблюдались, контроля за процедурами не было. Отсутствие бюджетного финансирования стало причиной снижения количества эмпирических исследований вообще.

Зато стали развиваться исследования общественного мнения, которые были востребованы разными группами политических интересов, а чуть позже серьезным источником дохода для социологов стал маркетинг. Все та же советская социология сменила знамена, но не содержание. Может быть, перестала только быть исключительно идеологией и стала больше претендовать на то, чтобы считаться наукой. По мере знакомства с зарубежной литературой стало понятным, что социологию в советском исполнении вряд ли возможно интегрировать в мировую науку.

К началу 90-х гг. поле социологии выглядело следующим образом. Чуть ли не все значимые для советской социологии исследования делались сотрудниками Института социологии РАН и его ленинградского филиала. На глазах завершала свое существование «социология труда», опиравшаяся на обширные сети «рабочих социологов» в разных городах страны. «Периферийная» социология сошла на нет из-за отсутствия средств и отъезда ведущих ученых в столицу (особенно нагляден пример Новосибирска). Некоторое число известных социологов было разбросано по другим — в основном московским — институтам.

Только появившиеся факультеты социологии в московском и ленинградском университетах мало что значили для науки. Во-первых, там практически не проводилось эмпирических исследований. А во-вторых, доминировали там не социологи, а профессура, пришедшая из идеологических дисциплин, прекративших свое существование вместе с режимом. Академических ученых допускали к преподаванию крайне неохотно. В провинциальных вузах социология была представлена лишь считаными именами, которые имели какое-то значение для профессионального сообщества. Сугубо профессиональный журнал («Социологические исследования») был единственным в своем роде и отличался повышенной политической ангажированностью.

Итак, организационная структура в социологии выглядела так же, как и в других науках. Формальные роли были жестко предписаны. «Фундаментальными» исследованиями занимались академические институты, прикладными — в основном так называемые «заводские» социологи (практически же все, кому посчастливится участвовать в «пилении» бюджета), а вузы занимались обучением, воспроизводя собственную среду. Профессиональное сообщество распалось на множество малосвязанных между собой фрагментов. Хотя формально социология в России уже, разумеется, советской себя не именовала, однако все родовые черты последней (ангажированность и партийность — теперь многопартийность, отделение преподавания от исследований, слабое знание социальной теории и отсутствие к ней интереса, приоритет общественной актуальности перед научной, неразвитость дискуссии, отсутствие рефлексии, жесткая формальная иерархия, абсолютизация количественных методов, господство структурного функционализма в методологии) сохранились и не претерпели существенных изменений.

Когда я говорю о советской социологии, то речь идет, конечно, о доминирующих ее чертах и тенденциях. Не думаю, что в развитии количественных методов советские исследователи сильно отставали от запада. Находясь под жестким надзором цензуры, они занимались бесконечным совершенствованием собственно измерительного инструмента. Качественные методы практически не использовались, поскольку исследования, проведенные с их помощью, трудно было контролировать (методики и инструментарий массовых опросов обязательно

санкционировались партийными органами). Но и здесь мы знакомы с отдельными попытками вырваться из доминирующей парадигмы (например, известное исследование Андрея Алексева, первого применившего метод участвующего наблюдения в буквальном его смысле)¹. Что объединяло всех советских социологов, так это вера в то, что их деятельность поможет власти реформировать общество на пути к светлому будущему.

Обсуждая альтернативу в развитии социологии в России, я акцентирую внимание на трех аспектах: институциональном, кадровом и методологическом.

Институциональная альтернатива

Целый ряд обстоятельств способствовал, на мой взгляд, поиску новых путей в социологии. Свобода исследования, дискурсивная открытость, поиск идентичности, обсуждение этического кодекса социолога, лавина переводной литературы, тесные контакты с зарубежными учеными, пересмотр роли науки — дух захватывало от новых перспектив. В то же время радикальная трансформация общественных отношений в период перестройки, гигантский прирост новых социальных практик в позднее советское время практически не стали предметом исследований в рамках официальных институтов (если, конечно, не относиться серьезно к бесчисленным опросам «общественного мнения»).

Появление альтернативы связано во многом с сохранением жестких формальных рамок советской организации науки на фоне новых возможностей, связанных с иными практиками и иными научными претензиями. «Государственная» наука не поспевала за быстрыми социальными изменениями, по-прежнему планируя исследования на пять лет вперед и требуя соблюдения этих планов. В этих планах предполагалось еще долго исследовать те социальные феномены, которые на глазах исчезали, в то время как новые практики, которые были особенно привлекательны для социологов, не были да и не могли быть приняты во внимание. Начался поиск новых институциональных возможностей для удовлетворения нового исследовательского интереса (стратегии выживания, биографический опыт, интерес к идентичности, изменения в социальной структуре, общественные движения, неформальная экономика, изменения повседневности, гендерные проблемы).

Характерно в этом смысле становление «незримых колледжей» — неформальных сетей между исследователями из различных институтов, идентифицирующих себя нередко с разными социальными дисциплинами, но объединенных схожими научными интересами.

¹ См.: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Санкт-Петербург: Норма, 2003.

Первая такая сеть — секция исследователей общественных движений при советской социологической ассоциации — возникла в 1988 г. в Ленинграде. Она была сформирована социологами, которые приняли активное участие в социальных движениях того времени и которые представляли маргинализированное поколение сорокалетних, особенно заинтересованное в радикальных изменениях. Из этой среды впоследствии вышел целый ряд видных социологов.

Одновременно новые правовые возможности позволили зарегистрировать первые независимые исследовательские центры, которые занялись отслеживанием происходящих изменений (наиболее известный пример — ВЦИОМ, переименованный позже в Левада-Центр). К сожалению, большая часть деятельности таких центров постепенно сосредоточилась на обслуживании либо государственных институтов, либо политических организаций, либо на работе непосредственно на рынке заказов, так что их деятельность лишь в небольшой части можно отнести к научной. Редкие исключения (например, санкт-петербургский Центр независимых социологических исследований — ЦНСИ) связаны с решительной ориентацией исключительно на международный рынок грантов на научные исследования.

Первое время сотрудники академических институтов и вузов, которые реализовали свои авторские проекты, не могли заставить себя разорвать пуповину, связывавшую их с теми государственными институтами, где они продолжали работать. Но через несколько лет, поняв, что независимость дает большие преимущества в самореализации и в заработке, эти исследователи ответили на вызов эпохи не по-советски — ушли в свободное плавание. Конечно, независимые институты столкнулись с неизвестными ранее рисками. Они были практически отрезаны от бюджетных средств, тонким слоем размазываемых государством по множеству традиционных организаций. Время показало, что успешными стали далеко не все. Но те, кто овладел навыками научного антрепренерства, обнаружили достаточно ресурсов, чтобы реализовать свои идеи.

В рамках невидимых колледжей постоянно рождаются новые инициативы. Возникают сети молодых социологов в самых разных тематических направлениях, особенно в новых для российского поля (гендер, биографии и т. п.). Эти социологи выступают уже не как представители «старых» институтов, а как независимые ученые, объединенные общими интересами. При поддержке научных фондов они проводят семинары, конференции и летние школы, которые обычно не связаны с традиционными научными учреждениями. Здесь же осваиваются новые для российской публики социологические категории, рождаются идеи и реализуются проекты без оглядки на прежние и нынешние бюрократические правила. Острый недостаток социологической периодики становится причиной появления новых социологических журналов, идеи которых также разрабатываются в таких сетях.

Огромную роль для развития таких сетей сыграл Интернет. Новые коммуникационные технологии позволили поддерживать эффективную деятельность при минимуме затрат (интернет-журналы, интернет-конференции и т. д.). Социологические сети не замыкаются в рамках отдельных регионов и стран. Они объединяют как отдельных ученых, так и новые исследовательские центры. Сетевая организация науки постепенно разрушает привычные границы между учреждениями и дисциплинами.

Итак, *первой альтернативой «советской» социологии* стала новая организация науки, опирающаяся на независимость, свободный поиск, минимум бюрократии и демократические принципы управления. Параллельно осваиваемый новыми организациями рынок грантов дал возможность для развития на фоне застоя и даже деградации «государственной» науки.

Кадровая альтернатива

В конце 80-х гг. в СССР для западных социологов открылся новый исследовательский рынок, вызвавший живейший интерес как арена быстрых социальных изменений. Многие из этих ученых писали диссертации на свежем и доселе неизвестном полевым материале. Некоторые впоследствии стали партнерами независимых исследовательских центров и отдельных исследовательских групп. Они инициировали проекты, финансово поддерживали их, нуждаясь одновременно в доступе в поле, квалифицированных коллегам. Это стимулировало создание в дальнейшем не только независимых исследовательских центров, но и обновление отдельных сегментов традиционных университетов и институтов (например, появление центра «Регион» при Ульяновском университете). Такое сотрудничество помогало овладевать западной культурой научного труда и быстрее интегрироваться в международное сообщество. Одновременно молодые выпускники российских вузов и студенты получили возможности для получения образования в Европе и США. Многие из них получили магистерские и докторские степени и вернулись в Россию. В России появились первые независимые университеты (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Московская школа социальных и экономических наук), которые готовили специалистов по западным методикам.

Главной проблемой этого нового поколения социологов стал поиск достойного места работы, соответствующего их уровню знаний и умений. Традиционные учреждения их брали весьма неохотно, дабы не сравнивать свою деятельность с иными профессиональными стандартами. Да и сами молодые социологи не рвались в эти институты и вузы с их консервативной атмосферой, отсутствием стимулов для развития и нищенской оплатой труда. Власть повсюду сохранили социологические «генералы», сделавшие свои карьеры в советское время и

всячески стремящиеся защитить завоеванное когда-то в тяжелой конкурентной борьбе. Отсюда берет корни антизападничество, иногда скрываемое, иногда нет, но мысленно объединяющее большинство профессоров в университетах и некоторых академических институтах.

Появление слоя «новых социологов» имело для социологии в России два важных следствия. Первое связано с тем, что независимые исследовательские центры остро нуждались в молодых талантливых и амбициозных людях, которые могли бы работать иначе, нежели ученые с устойчивой советской социализацией. Неявным образом выработался критерий приема на работу: знание иностранного языка и «ни одного дня работы в советской социологии» (хотя последнее требование конечно же не было абсолютизировано). Новые социологи и новые центры нашли друг друга.

Разумеется, многие новые социологи были прописаны и в традиционных государственных институтах. Однако они не стремились особенно интегрироваться в коллективы, живя своей обособленной научной жизнью, поддерживаемой грантами западных фондов и эффективным сотрудничеством с такими же, как они, маргиналами в тех самых «незримых колледжах». Постепенно формировалось сообщество новых социологов, которое не было ограничено российскими государственными рубежами (как это характерно для продолжающей свое существование «советской» социологии), а являлось частью глобального профессионального комьюнити.

Таким образом, *вторую альтернативу* «советской» социологии представляют те исследователи, которые ориентированы на западные профессиональные стандарты и ощущают себя частью мирового социологического сообщества. В подавляющем большинстве они относятся к первому постсоветскому поколению. Однако можно назвать и несколько десятков представителей среднего поколения, которые, несмотря на советскую социализацию, сумели переиграть свою научную карьеру. Этим ученым, обладавшим специфическим культурным капиталом, удалось использовать особый — биографический — капитал. Часто этому способствовала «вовремя» состоявшаяся стажировка на Западе (как у Леонида Ионина еще во времена «застоя») или появление удачных биографических ассистентов из-за рубежа: например, Хилари Пилкингтон для «Регина», Саймона Кларка для сетевого Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО), Ингрид Освальд для ЦНСИ. Часто новая научная социализация была связана с зарубежными проектами, реализованными силами российских исследователей. Наиболее яркими примерами могут служить проекты первой половины 90-х гг. Даниэль Берто фактически сформировал сообщество биографических исследователей в Москве. Еще более значимым для российской социологии стал Теодор Шанин, который был отцом-основателем целого ряда московских инициатив, а его гигантский проект по трансформации крестьянства оказал решающее влияние на множество исследователей по всей России.

Методологическая альтернатива

Новое поколение социологов, хорошо знакомых с западной научной дискуссией, искало возможность применить полученное знание для исследований российского поля. Усвоив, что полипарадигмальность вполне нормальна, а поиск единственной истины потерял смысл, они заявляли себя адептами различных подходов, в зависимости от собственного жизненного и исследовательского опыта. Традиционные позитивистские подходы подвергались сомнению, они противопоставляли им новые подходы, повторяя в этом тенденции мировой социологии в запаздывающем режиме («запаздывающая социология»). Расширение сферы исследований, антропологический поворот в социологии, экспансия феноменологии, привлекательность личностно-ориентированной гуманистической социологии — все эти факторы существенно повлияли на методологические приоритеты новых социологов. Методологической основой становится социальный конструктивизм. Наибольший интерес вызывают этнометодология, социальный интеракционизм, феминистская критика.

Две стратегии имели значение для развития альтернативы. Первая — это «съём». Знакомство с западной литературой постоянно соблазняло заимствовать новые идеи. Чаще всего ученый брал вычитанную идею в ее первозданности, упаковывал в нее российский материал и публиковал как собственный вклад в науку. Таким образом «широкие социологические массы» имели возможность познакомиться с новыми идеями.

Другой путь был связан с мучительной рефлексией по поводу собственных эмпирических исследований. Речь шла не только о тематике исследований, но и о неудовлетворенности традиционным использованием количественных методов. Новые объекты исследования сами по себе делали применение анкетных опросов сомнительными. Развитие же так называемых «мягких» методов, которые традиция относала презрительно к «журналистике», получало поддержку в первую очередь именно в независимых центрах и у «новых социологов».

Глубинное интервью социологи использовали и раньше, хотя и достаточно редко. Целью их применения было исключительно стремление совершенствовать постановку вопросов в последующем анкетировании. Теперь же использование интервью диктовалось совершенно другими потребностями. Исследователь стремился избежатьвтискивания жизненного мира информанта в прокрустово ложе собственных представлений. Проблемно-ориентированные интервью получили глубину. Стали развиваться биографические исследования. Далее исследователи обратили внимание на методы анализа транскрибированных текстов интервью да и текстов вообще, особенно на анализ дискурса. Прежний контент-анализ уступил место качественным методам анализа текста.

Стирается грань между социологией и социальной антропологией (этнологией) в прежних смыслах этих дисциплин. Новый социолог все чаще использует в своих исследованиях участвующее наблюдение в стремлении глубже понять жизненный мир информантов. Ключевым понятием становится «понимающая социология» с аллюзиями к Максус Веберу.

Огромную роль для развития качественных методов сыграло появление диктофонов и компьютеров. Появилась возможность создавать документы, так что вопросы валидности и достоверности могли быть решены более конвенционально.

Характерно, что адепты новых для российского научного поля идей и подходов вовсе не озабочены их непризнанием традиционными социологическими авторитетами в России. Они больше сверяют себя с собственным исследовательским опытом и развитием западной дискуссии. Типична история с развитием качественных методов. Они возникли явочным порядком и быстро стали завоевывать умы молодых социологов, которые в основу своих исследований клали исключительно качественную методологию. В 1994 г. два авторитетных социолога опубликовали разгромную статью против еретиков². Однако «новые социологи» проигнорировали попытку навязать дискуссии. Им было достаточно того, что они уже были полноправными участниками международного научного сообщества и, помимо того, быстро формировали внутророссийские сети соратников, где они могли обсуждать свои исследования в среде единомышленников. Тем более, что подобный спор «количественников» с «качественниками» на Западе был завершен еще в 70-е гг. XX в.

Теоретической основой *третьей альтернативы* стали критика позитивизма, развитие новых исследовательских подходов, апелляция к мировому исследовательскому опыту. Включенность в соответствующие международные социологические сети способствовали авторитету и распространению новой методологии.

Обобщения и выводы

1. Все более или менее ясно по поводу того, кто такие «они» для «альтернативных» социологов. Это в первую очередь «советская» социология (читай: идеология), позиция которой в России еще достаточно сильна. Главная оппозиция связана с включенностью/исключенностью в мировую социологическую науку. «Они» воспроизводятся постоянно в вузах и в меньшей степени в академических институтах. Еще долго две ветви социологов будут существовать параллельно — одна

² См.: Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28-42.

на подъеме, другая на излете. Этот процесс начинает напоминать длительное сосуществование палеоантропов и неоантропов. «Советские» социологи-палеоантропы не вымрут вместе с последним советским поколением. Их потомки нет-нет да и будут возникать где-то на окраинах социологического сообщества, вызывая всеобщее любопытство, как это происходит с появлением «снежного человека» или — если не уходить далеко от предмета обсуждения — с представителями удивительной паранауки «космической социологии».

«Они» для новой генерации социологов — это также позитивисты, эссенциалисты вообще. Куда сложнее определить, что означает «мы». Я бы отнес сюда социальных конструктивистов, сторонников понимающей социологии. Вообще решающим для объединения здесь является не критерий общности методологических установок, а скорее соображения «против кого объединяемся». Если реконструировать дискуссию в сообществе (в реальности ее почти не существует, как, впрочем, не существует и самого сообщества, которое наблюдаемо лишь в виде мало связанных между собой фрагментов), то явно заметны попытки упростить ситуацию, просто противопоставив качественные и количественные методы исследования. (Я бы предпочел говорить об оппозиции тех, кто представляет себе социальный мир как существующий вне сознания людей, и тех, для кого социальный факт не существует вне его интерпретации, т. е. социальных конструктивистов.) Объектом критики качественников являются в том числе и многие социальные теоретики, которые мало интересуются социальной реальностью, конструируя свои теории на логических спекуляциях и обращаясь по необходимости к данным массовых опросов. Вообще говоря, «альтернативной» является во многом микросоциология, опирающаяся на исследования отдельных случаев (case study).

Надо признаться, что «альтернативная» социология — не более чем конструкт, сформированный в сознании социологов из определенной перспективы. По мере интеграции в мировую науку все менее эвристично применение понятия «альтернативная социология». Скорее следует говорить о полипарадигмальности, о плюрализме исследовательских подходов. Так, количественники и качественники избрали стратегию мирного сосуществования, мысленно проведя демаркационную линию, по обе стороны которой формируются отдельные социологические сообщества. Предпринимаются нередкие поиски компромисса, заключающиеся в попытках соединить качественные методы с количественными. Но эти попытки выглядят удачными лишь при позитивистском подходе. Эмпирические исследования демонстрируют иллюзорность такого соединения.

2. Если сузить понятие «альтернативности» до приверженности к качественным методам, то можно перечислить десятки социологов и исследовательских групп, которые этими методами получают интересные результаты. Такие ученые есть во всех заметных институтах

(в университетах — реже). Если говорить о научных коллективах, то в рамках «альтернативной» социологии работают обычно те исследовательские центры, которые декларируют себя как независимые и некоммерческие и ориентированы на исследования академического характера. Направления таких исследований исключительно разнообразны.

Большинство «альтернативных» социологов понимает социологию как науку об исследованиях правил, которым люди следуют в своем поведении. В этом смысле они не оценивают социальные действия людей, считая своей задачей эти действия понять и объяснить. Они избегают генерализации, хотя качественная методология располагает средствами для обобщений. Отдельные случаи могут быть интересны сами по себе. Поэтому качественный исследователь охотнее говорит об отдельных фрагментах общества, нежели об обществе в целом. Из этой перспективы говорить о состоянии российского общества в целом крайне проблематично, ибо кто как не «качественники» понимают, насколько общество гетерогенно, по каким непредсказуемым критериям формируются границы между социальными средами и как эти среды изменчивы. Процесс индивидуализации, характерный для наиболее развитой части мира, становится чуть ли не гарантом «победного шествия» той самой «альтернативной социологии», при помощи исследовательских подходов которой можно наиболее исчерпывающе объяснить изменения в обществе.

**Важнейшие центры, институты
и периодические издания «альтернативной»
социологии**

Центр независимых социологических исследований (Санкт-Петербург); Центр независимых социальных исследований и образования (Иркутск); Институт социальных исследований и гражданских инициатив (Казань); Центр антропологических исследований (Краснодар);

Сектор биографических исследований в Институте социологии РАН; Европейский университет (Санкт-Петербург); Центр «Регион» (Ульяновский университет); Школа социальных и экономических наук (Москва); Центр социальной политики и гендерных исследований (Саратов); Конвенция независимых социологических центров; журнал «Интер».

ЦНСИ
Центр Независимых
Социологических Исследований
Санкт-Петербург

в процессе транскрипции с России

МЫСЛЯЩАЯ РОССИЯ

Картография современных интеллектуальных направлений

Под редакцией
Виталия Куренного

Консультанты проекта
Вячеслав Глазычев, Борис Капустин,
Юрий Кимелев, Симон Кордонский
Вадим Радаев, Алексей Руткевич

Некоммерческий фонд
«НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ»
Москва, 2006